

Напевая себе под нос, я направился в сторону более красивых районов Инузури. Пять лет назад я спас жизнь богатому торговцу, а он в ответ подарил мне один из своих многочисленных домов. Казуки поднял голову, когда я вошел, и его лицо расплылось в огромной ухмылке при виде бутылки в моих руках.

"Это то, о чем я думаю?" взволнованно спросил он, потянувшись за ней. Я отмахнулся от его рук.

"Да, лучшее сакэ Мори-сана. И ради Ками, не стыдись, а? Сейчас шесть утра". Он надулся, и я с досадой вздохнул.

"Я уже говорил тебе, но не при Рукии!"

"Рукии здесь нет! Кроме того, ты не можешь укрывать ее вечно! И она не дура, она видела, как мы пили раньше".

"Но это не значит, что я хочу, чтобы она переняла твои дурные привычки, алкоголик. Если так уж надо, сходи завтра к Мори-сану. Он дал нам бесплатный пропуск". Казуки изумленно уставился на меня, а затем язвительно покачал головой.

"Как-то я собираюсь выяснить, как ты это делаешь".

"Что сделать?" Я направился на кухню, открывая шкафчик, чтобы найти место, где можно спрятать sake.

"Просто манипулировать людьми!" потребовал он.

"Понятия не имею, о чем ты говоришь", - спокойно ответил я, перетасовывая полупустые бутылки в передней части шкафа.

"Ты даже не просишь их ни о чем, а они все равно дают! Они практически заваливают тебя бесплатными вещами и умоляют попросить еще!" В голосе Казуки слышалось недоверие.

"Черт, с годами все стало только хуже. Вначале это была пара фруктов и овощей, да несколько рё. А теперь это открытое приглашение угоститься всем, что у них есть".

"Ну, спасение их близких, возможно, имеет к этому какое-то отношение", - сухо ответил я. "Если бы кто-то спас Рукию, я бы тоже предложил им все, что смогу".

"Ты прав... но все равно жутковато, что меня заваливают бесплатными товарами каждый раз, когда я иду по улице, только потому, что знают, что я близок к тебе. Это люди, которые, как я видел, не задумываясь, проходят мимо ребенка, упавшего в обморок на улице, и они практически падают ниц, чтобы предложить тебе помощь".

"Ты преувеличиваешь", - хмыкнула я, но не могла не вспомнить зиму до встречи с Тацуей, десятки и десятки людей, которые закрывали передо мной свои двери, когда я хотела лишь получить хоть немного еды и ночлег.

"Дарить подарки из благодарности - это не значит сваливать все на меня. Кроме того, чувство вины - сильная эмоция. Одно дело, когда вы получаете от кого-то помощь, зная, что единственная причина, по которой он помогает, - это то, что он что-то от этого получает. И совсем другое дело, когда кто-то спасает тебе жизнь, тратит часы и часы своего времени на помощь, не ожидая ничего взамен". Казуки на мгновение замолчал.

"Значит... не требуя платы, вы практически гарантируете, что получите что-то взамен?" спросил он. Я улыбнулся.

"Именно. Когда кто-то помогает другому человеку, это вызывает чувство долга. Никому не нравится чувствовать себя обязанным кому-то, в конце концов; это не меняется, будь ты благородный или уличная крыса. Чаще всего эти обязательства относительно легко выполнить: ты делаешь что-то для меня, я делаю что-то для тебя. Не прося ничего взамен, от этого чувства долга гораздо труднее избавиться".

Конечно, большая часть этих мыслей пришла мне в голову только позже. Когда я затеял все это с Рэйко, то не ожидал такого результата. Тем не менее, это выглядело гораздо более впечатляюще, если я говорил так, будто это было моим планом с самого начала.

"Вау, я впечатлен. Даже Тацуя не был таким коварным". В его голосе прозвучала тоска. Прошло полвека, а смерть Тацуи все еще оставляет в нашей жизни зияющую пустоту.

"Конечно, помогает то, что ты такой милый, маленький карлик. Никто не ожидал, что такой симпатичный человек, как ты, может так манипулировать".

Возможно, в свое время этот комментарий меня бы беспокоил. Однако я понял, что это был комплимент, исходящий от Казуки. После того, что случилось пятьдесят лет назад... мы все изменились. Временами, если бы не Хорио, который разряжал атмосферу, отношения между нами становились бы невыносимо напряженными. Все мы в тот или иной момент ссорились. Без руководства Тацуи следующий год был тяжелым. Мы все поникли, не зная, что делать, и в конце концов Казуки решил взять на себя ответственность, хотя ему так и не удалось достичь того же уровня контроля, что и Тацуе. Лидерство... изменило его. Внешне он был таким же, как и прежде, с той же легкомысленной и веселой манерой поведения и постоянными шутками. Однако в нем появилась безжалостность, с которой даже Тацуе в его худшие времена было бы трудно сравниться. Он никогда не позволял Рукии видеть даже намек на это, но что касается меня... Ну, Рукия, возможно, и не замечала иногда кровь, окрашивающую его одежду - не его, - но я не замечала. Даже я не знал, как много Казуки сделал для того, чтобы собрать информацию и обеспечить нашу безопасность. Что я знал, так это то, что на вторую годовщину смерти Хорио и Тацуи Мицуо, убедившись, что Рукии рядом нет, прошептал мне на ухо: "Свершилось. Теперь их души могут покоиться с миром". Глядя на серьезный, но спокойный блеск в глазах Казуки, который не могла скрыть его ухмылка, на то, как он едва заметно поддерживает левый бок, и на темные круги под глазами, я не сомневался в том, чем Казуки занимался последние несколько месяцев. Я не знал, как и когда, но знал, что из той группы, которая забрала у меня двух братьев, в живых не останется ни одного человека. Потом, когда я

открыл свою клинику, я не был настолько наивен, чтобы думать, что риск разозлить других людей - единственная причина, по которой меня оставили в покое от более морально настроенных групп. Я был готов к тому, что некоторые люди будут преследовать меня, хотя бы потому, что в то или иное время я, вероятно, лечил одного из их врагов. То, что они этого не сделали... что ж... это само по себе показательно.

Казуки был не единственным, кто изменился. Пожалуй, мой способ справиться с произошедшим был наиболее очевиден: я стал исцелять случайных людей. Как следствие той ночи, убийство ради защиты семьи тоже перестало вызывать у меня колебания. Но Каори еще больше замкнулась в себе. Иногда я боялся, что она совсем нас бросит, хотя рядом с Рукией и Казуки ей всегда было лучше (а насчет последнего у меня были подозрения: "просто друзья", неужели они думали, что я слепой?). Мицуо постоянно беспокоился о нас, нависал, как безмолвная, защитная тень; "синдром матери-женщины", как выразился Казуки. Он был, пожалуй, единственным из нас, кто действительно знал, во что ввязался Казуки, и следил за ним всякий раз, когда он исчезал, иногда на несколько дней.

Встряхнув головой, чтобы очистить ее от мыслей, я повернулась к Казуки.

"Где Рукия?" спросил я, ложась на свой фuton. Я удовлетворенно вздохнула, взяла одеяло и натянула его на себя. Забудьте о мальчиках, моя кровать была моей единственной настоящей любовью. Казуки фыркнул, увидев мое счастливое выражение лица.